

---

---

**М. А. Коростовцев**

## **ЕГИПТОЛОГИЯ В СВЕТЕ ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ ЛЬЮИСА ГЕНРИ МОРГАНА**

В начале XX в. известный швейцарский египтолог Э. Навиль в своих трудах был склонен обращаться к этнографическим материалам для разрешения тех или иных проблем египтологии как историко-филологической научной дисциплины.

Так, касаясь генезиса египетской цивилизации и подчеркивая ее африканское происхождение, он писал: «Следует отказаться от того, чтобы усматривать азиатское влияние на Египет Древнего Царства, а также на аборигенов времени неолита: мы не можем констатировать следы такого влияния. Характер египетской цивилизации в основном африканский»<sup>1</sup>.

В том же году Э. Навиль опубликовал рецензию на монографию Х. А. Жюно о южноафриканском народе тсонга<sup>2</sup>. В этой рецензии он писал: «Такой-то обычай и такой-то обряд племени банту может дать египтологу путеводную нить к верному объяснению религиозной или погребальной церемонии, смысл которой ему неизвестен и которой, может быть, он давал ошибочное объяснение в силу своего (только) классического образования»<sup>3</sup>.

В моей статье «Древний Египет и народы Африки южнее Сахары» использованы разные исследования, проливающие свет на те или иные проблемы египтологии, эти работы в значительной своей части этнографические<sup>4</sup>. Африканистический акцент, все чаще встречающийся в трактовке тех или иных египтологических сюжетов, неудивителен, более того, он вполне понятен<sup>5</sup>. Однако в конечном счете во всех этих работах наблюдается хотя и очень полезное, но все-таки чисто эмпирическое использование этнографических данных в исследованиях по египтологии. Цель настоящей статьи — указать на возможность и плодотворность применения методов этнографической науки и ее общетеоретических выводов при изучении важнейших проблем египтологии. Само собой разумеется, что речь здесь идет о марксистской исторической этнографии, т. е. той отрасли этой науки, которая изучает ранние периоды истории человечества, основывая свои исходные положения на историко-материалистических принципах. Основы такой этнографии, как известно, заложил

---

<sup>1</sup> E. Naville, *L'origine Africaine de la civilisation égyptienne*, «Revue Africaine», 1913, t. 22, p. 61.

<sup>2</sup> H. A. Junod, *The life of a South African tribe*, Neuchatel, 1912 (2-е изд. — London, 1927).

<sup>3</sup> E. Naville, *La vie d'une tribu sud-africaine*, «Sphinx», 1913, t. 47, p. 45, 46.

<sup>4</sup> М. А. Коростовцев, *Древний Египет и народы Африки южнее Сахары*, «Вестник древней истории», 1963, № 4, стр. 12—29.

<sup>5</sup> См., например: T. Obenga, *L'Afrique antique*, Paris, 1973; Ch. A. Diop, *Nations Nègres et culture*, Paris, 1955; его же, *Antériorité des civilisations Nègres: mythe ou vérité historique?* Paris, 1967, и др.

Ф. Энгельс в своем классическом труде «Происхождение семьи, частной собственности и государства»<sup>6</sup>, широко используя выводы, сделанные в работах американского ученого Льюиса Генри Моргана. Высоко оценивая вклад Моргана в историческую науку, Энгельс писал: «Морган в Америке по-своему вновь открыл материалистическое понимание истории, открытое Марксом сорок лет назад и, руководствуясь им, пришел при сопоставлении варварства и цивилизации в главных пунктах к тем же результатам, что и Маркс»<sup>7</sup>.

Такая характеристика заслуг Моргана одним из основоположников научного социализма делает правомерной попытку рассмотреть некоторые важнейшие вопросы истории Древнего Египта в свете тех тезисов, какие были сформулированы Морганом в 70-х годах прошлого столетия, особенно в его книге «Древнее общество»<sup>8</sup>. Конечно, за 100 лет, прошедших со времени выхода в свет этого исследования, изучение первобытности продвинулось далеко вперед, в огромной мере благодаря усилиям советских ученых, а также исследователей из других стран, стоящих на марксистско-ленинских методологических позициях; многое во взглядах Моргана сегодня оказывается устаревшим. Однако основное в выводах великого американского исследователя и прежде всего объективно материалистическая их направленность (хотя сам Морган отнюдь не был последовательным материалистом в объяснении исторического процесса) сохраняет все свое значение и поныне.

Для того чтобы дальнейшее изложение мыслей автора данной статьи было бы вполне ясным, целесообразно напомнить здесь некоторые высказывания Моргана о закономерностях переходной эпохи от доклассового общества к классовому из его основного произведения «Древнее общество». Ради удобства читателей пронумеруем эти высказывания.

1. «Все формы управления сводятся к двум основным планам... Оба они совершенно различны в своих основаниях. Первый по времени основывается на личности и чисто личных отношениях и может быть назван обществом (*societas*). Род является единицей этой организации...» (стр. 7).

2. «Второй план основывается на территории и частной собственности и может быть назван государством (*civitas*)» (там же).

3. «Опыт человечества, как уже было сказано, создал только два плана общественного строя, употребляя слово план в его научном смысле. Оба они были определенными и систематическими организациями общества. Первый и более древний представлял собой организацию социальную, основанную на родах, фратриях и племенах. Второй и позднейший представлял собой организацию политическую, основанную на территории и собственности» (стр. 38).

4. «С возникновением конфедерации племен впервые появляется должность главнокомандующего... «Великого воина». Теперь возникли случаи, когда несколько племен совместно в качестве союзников начинали войну, и ощущалась необходимость в высшем военачальнике для руководства движениями соединенных отрядов» (стр. 85).

5. «Превращение этой должности в постоянное учреждение было большим событием в истории человеческого прогресса. Она возникла из военных потребностей общества и имела свое логическое развитие» (стр. 86).

6. «Это была опасная, но необходимая для племени и конфедерации должность. Как показывает опыт человечества, начиная с низшей ступе-

<sup>6</sup> К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 21, стр. 23—178.

<sup>7</sup> Там же, стр. 25.

<sup>8</sup> L. H. Morgan, *Ancient society, or researches in the lines of human progress from savagery through barbarism to civilisation*. New York—London, 1877. Русское издание: Л. Г. Морган, *Древнее общество или исследование линий человеческого прогресса от дикости через варварство к цивилизации* (пер. с английского под редакцией М. О. Косвена), Л., 1934 (далее цитаты из Моргана даются в тексте по этому изданию).

ни варварства и до настоящего времени, должность эта всегда была опасной. Конституции и законы гарантируют цивилизованным нациям, поскольку они обладают ими, безопасность» (стр. 121).

7. «Очевидно, что неспособность родовых учреждений удовлетворять усложнившимся потребностям общества вызвала движение, имевшее целью отнять у родов, фратрий и племен все гражданские права и передать новым единицам» (стр. 148).

8. «От первой попытки основать новую политическую систему и до того, как эта проблема была разрешена, прошло несколько столетий» (стр. 127).

9. «Введение новой системы совершалось так же постепенно, как и исчезновение старой, и в течение некоторого времени обе продолжали существовать бок о бок» (стр. 148).

10. «Собственность и должность были почвой, на которой выросла аристократия» (стр. 329).

Эти основные выводы Моргана, сделанные им на основании строго научного анализа огромного историко-этнографического материала, имеют прямое отношение к событиям одного из важнейших периодов древнеегипетской истории — времени сложения централизованного государства в долине Нила.

Ниже все внимание будет сосредоточено на проблеме превращения *societas in civitas* в истории Древнего Египта и вместе с тем на генезисе пресловутого деспотизма египетских фараонов. Приведенные выше выводы этнографического порядка, сделанные Морганом, проливают свет на природу египетского общества так называемой «эпохи строителей пирамид» (иначе IV династии Старого Царства) и на генезис абсолютной монархии того времени.

«Никогда в истории человечества вся государственная жизнь не была до такой степени сосредоточена около царской резиденции или, лучше сказать, „вечной“ резиденции царя — могилы, как при Снофру, Хеопсе и Хефрене. Сооружение колоссальных царских гробниц, требовавшее огромного напряжения населения, возможно, правда, в земледельческой стране, но и предполагающее крепостное состояние значительной части последнего, указывает нам столько же на деспотизм египетских фараонов, сколько и на центральное положение в египетской культуре религиозных верований и культа»<sup>9</sup>. Несомненно, что строительство больших пирамид сопровождалось огромным напряжением всех сил страны. Во времена Геродота, посетившего Египет в V в. до н. э., ему рассказывали, что «Хеопс сверг страну в пучину бедствий», что пирамиду этого фараона строили 20 лет 100 тысяч человек, сменявшихся каждые три месяца и т. п.<sup>10</sup>. Очень знаменательно, что во времена Геродота еще циркулировали такие предания о строителях великих пирамид, сооруженных в XXVII и XXVI вв. до н. э., т. е. за два тысячелетия до путешествия Геродота. Слова Геродота и колоссальные размеры больших пирамид послужили основанием для египтологов полагать и даже утверждать, что Египет во времена IV династии был уже не только абсолютной монархией, но и «деспотией». В приведенных словах Б. А. Тураева совершенно явно сквозит мысль о том, что во времена «строителей пирамид» Египет был государством с антагонистической классовой структурой, в которой эксплуатируемым классом были крепостные. Мысль об антагонистической классовой структуре Египта тех времен в целом не подлежит сомнению. Только термин «крепостные» никак не соответствует социально-экономической реальности Древнего Египта<sup>11</sup>. Но возникает следующий вопрос: если во времена IV дина-

<sup>9</sup> Б. Тураев, История Древнего Востока, т. I, Л., 1935, стр. 176.

<sup>10</sup> Геродот, II, 124.

<sup>11</sup> См. Т. Н. Савельева, Аграрный строй Египта в период Древнего Царства, М., 1962, стр. 172 сл.

стии фараоновский Египет был уже сложившейся деспотией и фараон-деспот мог принудить огромное количество людей работать на себя долгие годы, если Египет в это время был уже не *societas*, а только *civitas*, то когда и как могло осуществиться это превращение? Оно происходило долго и постепенно, и начало его скрывается во мраке древности, причем в ходе такого превращения *civitas*, так сказать, накладывалось на *societas*, понемногу его вытесняя (ср. выводы Моргана 8 и 9). Но параллельно с этим процессом и в непосредственной связи с ним развивался и другой: возникновение, говоря словами Моргана, «политической организации, основанной на территории и собственности» (см. вывод 3). А появление такой организации, уже совершенно чуждой родовому обществу, т. е. *societas*, неизбежно влекло за собой и появление «опасной» должности главнокомандующего, сначала выборного, а затем уже и наследственного, фигура которого немыслима до того, как возникает первичная форма чисто политической организации в виде союза племен (ср. выводы 4, 5 и 6).

Что касается номов, то они первоначально были, несомненно, племенной территорией, а затем, по мере вытеснения *societas* новой формой организации, постепенно становились округами в ее структуре. В конечном счете они превращались в небольшие *civitas*, сохраняя, однако, множество совершенно явных следов прежнего родо-племенного *societas*. В этом отношении они существенно отличались от общеегипетского *civitas*, не связанного генетически с родо-племенной организацией и складывавшегося уже на такой стадии развития, когда в структуре номов произошли значительные изменения в направлении их превращения из *societas* в *civitas*. Общеегипетское *civitas*, с самого начала формировавшееся как таковое, во времена Древнего (или Старого) Царства было как бы суперструктурой над номовыми *civitas*, сохранившими в то же время многие черты прежнего *societas*. И это сосуществование в течение многих столетий черт *societas* и *civitas* прослеживается в Египте на протяжении всей истории страны. Когда по каким-либо причинам суперструктура *civitas* ослабевала и утрачивала контроль над множеством мелких единиц, сохранивших немалое число черт родо-племенного *societas*, воздействие таких черт на жизнь этих мелких единиц-*civitas* резко усиливалось, и территория долины Нила превращалась в конгломерат последних (хотя, конечно, самый процесс превращения номов из *societas* в *civitas* имел необратимый характер).

Таким образом, история Древнего Египта — это чередование центростремительных и центробежных сил в стране, это их постоянная борьба. Централизованная монархия Древнего Царства (суперструктура) после VI династии распалась. Возобладала центробежная тенденция, страна распалась на самостоятельные номы, бывшие носителями центробежной тенденции. В стране нарушаются порядки суперструктуры, страна погружается в хаос междоусобицы. Но сама эта междоусобица естественно порождает центростремительную тенденцию, подготавливает новое объединение страны, т. е. новую суперструктуру. Период после падения Древнего Царства называется в науке Первым переходным периодом, переходным от объединения Древнего Царства к объединению Среднего Царства (XI—XIII династии).

В истории Древнего Египта насчитывается три переходных периода и три объединения всех номов всей страны, т. е. три суперструктуры. Носителем же принципа этой суперструктуры, иначе говоря олицетворением единства страны, неизбежно становилась фигура монарха-фараона. Эта фигура выросла из уже упоминавшейся «опасной» должности военачальника союза племен. Фактически фараон и выполнял функции, в большей мере аналогичные тем, какие выполняли эти военные вожди. Как усмиритель центробежных устремлений номов и как развитие «опасной» для *societas* тенденции, присущей должности военачальника, еги-

петский правитель неизбежно должен был приобрести и приобрел, действительно, облик фараона-деспота, а возглавляемая им суперструктура — *civitas* — форму деспотии.

Таковы были конкретно-исторические предпосылки возникновения египетской деспотической монархии. Но именно скорее монархии, чем деспотизма как такового. Подобные же процессы происходили и в других районах земного шара, весьма удаленных от Египта. Как показали Морган и Энгельс, греческие выборные базили превратились в наследственные, т. е. определенная функция родо-племенного общества на известном этапе (превращения *societas* в *civitas*) стала политической функцией и должностью. То же самое мы находим и в Скифии (царский род «претендовал на господство над всей Скифией и даже над соседними с ней племенами»<sup>12</sup>). Та же картина наложения *civitas* на *societas* наблюдалась и в древней Южной Америке<sup>13</sup>. В целом — это процесс универсального характера. Что же касается специфического египетского «деспотизма», то, безусловно, он представлял собой политическую надстройку над антагонистическим классовым обществом, но если под термином «деспотизм» подразумевать не только неограниченную ничем абсолютную монархию, но и методы устрашения и подчинения широких масс, то эти методы появляются задолго до окончательного сложения антагонистических классов и их стабилизации, а именно — еще на стадии перехода от доклассового общества к классовому.

Очень характерным образом того, как в действительности выборный вождь и полководец становился неограниченным деспотом, по мановению руки которого убивали десятки и сотни людей, может служить история возвышения знаменитого вождя зулусов Чаки, правившего в 1816—1828 гг. Это яркий пример превращения выборного вождя в абсолютного деспота в таком переходном обществе. Выбранный вождь, военачальник союза племен, приобретает ничем и никем не ограниченную власть над своими соплеменниками. Об этой власти можно судить по военным достижениям этого одаренного полководца: «За двенадцать лет его правления подвластная ему территория увеличилась со 100 кв. миль до 200 000 кв. миль, а его войско — с 500 до 50 000. После смерти отца в 1816 году Чака возглавлял лишь клан зулу, насчитывавший несколько тысяч человек, а к моменту смерти в 1828 г. распространил власть и влияние зулусов на всю территорию современного Наталя, половину нынешнего Трансвааля и Оранжевого свободного государства, большие районы Мозамбика и Капской Колонии»<sup>14</sup>. Конечно, Чака был деспотом, но талантливым деспотом, человеком, сумевшим в полной мере воспользоваться теми преимуществами, какие обеспечивали зулусам, например, в военной области, еще сохранявшиеся в их переходном обществе весьма сильные элементы организации, порожденные родо-племенным строем. Несомненно, что «строители» великих пирамид были деспотами в уже стабилизировавшемся антагонистическом государстве. Но нам неизвестно, прибегали ли они к устрашающим методам принуждения. Это совершенно особая проблема, выходящая за рамки данной статьи. Во всяком случае можно сказать, что уже во времена Древнего Царства (или Старого Царства) египетское государство было явно выраженным антагонистическим государством, а власть фараонов — политической его надстройкой, выросшей из этого общества. Но сам по себе «деспотизм» царской власти в Древнем Египте восходит к еще более отдаленным временам. Он вырастал из порядков, господствовавших в долине Нила в переходную эпоху, из фактически (и в силу необходимости) неограниченной власти лица, выполнявшего «опасную» для родо-племенного

<sup>12</sup> А. М. Хазанов, Социальная история скифов, М., 1975, стр. 191.

<sup>13</sup> Ю. А. Зубрицкий, Древнейшие перуанские цивилизации, в кн.: «Культура Перу», М., 1975, стр. 10—27; его же, Тауантинсуйю, там же, стр. 28—45.

<sup>14</sup> А. Б. Давидсон, Предисловие к книге: Э. Риттер, Чаку-зулу, М., 1968, стр. 5.

строю функцию верховного военачальника союза племен, составлявших население страны в додинастическую эпоху. И процесс сложения такого деспотизма был достаточно осложнен сопротивлением древних норм организации общества, сложившихся еще в рамках родо-племенного строя. Эту сложность, на которую яркий свет проливают сравнительные историко-этнографические материалы, необходимо учитывать при изучении древнеегипетской проблематики. Но в нашей статье приведен лишь один пример их применения при исследовании принципиальных вопросов египтологии. Имеется немало других проблем, которые можно лучше понять и быстрее решить с помощью сравнительного метода и анализа этнографических материалов из истории обществ, отстававших в своем развитии.

**EGYPTOLOGY IN THE LIGHT  
OF THE ETHNOGRAPHICAL RESEARCH OF LEWIS HENRY MORGAN**

The author traces the course of the rise of statehood in Ancient Egypt. He collates this process to the theoretical theses of L. H. Morgan as formulated in his «Ancient Society».

---